

 HARLEQUIN

Кэрол Маринелли

ОБЖИГАЮЩИЕ ЛАСКИ СУЛТАНА

Sarell

008

Гарем – Harlequin

Кэрол Маринелли

Обжигающие ласки султана

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Маринелли К.

Обжигающие ласки султана / К. Маринелли — «Центрполиграф»,
2017 — (Гарем – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08137-7

Габи всегда была мечтательницей, а ее работа – организация свадеб — давала ей много пищи для фантазий. Поэтому, познакомившись с красавцем Алимом, владельцем сети шикарных отелей, она сразу же поселила его в свои самые смелые грезы. Но конечно же она и думать не могла, что ее мечты однажды сбудутся. Когда Алим предложил ей провести вместе ночь, она ухватилась за этот шанс, решив, что ни при каких обстоятельствах об этом не пожалеет. Но Габи ошиблась: ее возлюбленный оказался вовсе не таким, каким представлялся в начале знакомства.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08137-7

© Маринелли К., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кэрол Маринелли

Обжигающие ласки султана

Роман

Carol Marinelli

Bound by the Sultan's Baby

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Bound by the Sultan's Baby © 2017 by Carol Marinelli

«Обжигающие ласки султана» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Габи Дерамо никогда не была подружкой невесты и тем более невестой. Однако свадьбы были ее жизнью; она думала о них почти каждую минуту, сколько себя помнила.

Габи была мечтательницей.

Когда она была маленькой, ее куклы регулярно выстраивались в свадебную процессию. Один раз Габи рассердила маму тем, что высыпала на пол два пакета муки и один сахара, чтобы создать впечатление зимней свадьбы.

– Ты живешь в облаках, – ругалась ее мама Кармель.

Но Габи не говорила ей, что на каждой кукольной свадьбе невестой была ее мама. Словно это могло заставить вернуться отца, бросившего беременную Кармель справляться со всем в одиночку.

И хотя Габи никогда в жизни даже не целовалась, работая помощницей организатора свадеб, она сыграла роль не в одном романтическом вечере.

Порой ночами она мечтала о собственной свадьбе. И об Алиме.

Сейчас Габи листала список дел на планшете, накручивая длинные черные волосы на палец и пытаясь понять, как можно организовать с нуля поспешно запланированную, но очень эксклюзивную свадьбу в Риме.

Мона, невеста, вышла из примерочной в третьем варианте из выбранных не Габи свадебных платьев. Оно совершенно ей не подходило – старинное кружево придавало оливковой коже землистый оттенок, а плотная ткань скрывала изящную фигуру.

– Что думаешь? – спросила Мона, поворачиваясь перед зеркалом, чтобы рассмотреть себя со спины.

У Габи было много опыта обращения с невестами, которые надевали совершенно неподходящее им платье.

– Что ты сама думаешь, Мона?

– Не знаю, – вздохнула невеста. – Мне оно нравится...

– Значит, оно тебе не подходит, – сказала Габи. – Ты должна в него влюбиться.

Мона отказывалась от советов владельца бутика и от предложенного Габи чисто белого прямого платья с деликатной вышивкой. Даже не стала его примерять.

От предложений Габи часто отмахивались. У нее была пышная фигура, а носила она строгие и бесформенные костюмы, на которых настаивала ее начальница Бернадетта, так что невесты склонны были считать, что Габи ничего не понимает в моде.

На самом деле Габи могла выбрать идеальное платье для невесты с пятидесяти шагов.

А это платье нужно было выбрать сегодня! Бернадетта уехала в отпуск, и все дела достались Габи. Как всегда.

Чем больше бюджет, чем сложнее план, тем чаще свадьба отправлялась в стопку «слишком сложных» и доставалась Габи.

Сейчас было затишье между Рождеством и Новым годом. Свадебный бутик должен был быть закрыт, но Габи попросила его владелицу, Розу, об услуге, и магазин открыли только для них. Роза их не выгонит; но им нужно было встретиться с Марианной, организатором приемов, в отеле «Гранде Лючия» в четыре.

– Может, примеришь вариант Габи? – сказала Флер, мать жениха. Странно, обычно за платьями с невестой ходила ее мать или подружки; но здесь последнее слово, похоже, было за Флер.

К тому же Флер была англичанкой, и из вежливости к ней Габи и Мона говорили по-английски, а не по-итальянски.

День обещал быть долгим. А завтра придется все повторить заново с подружками невесты?

Очень, очень неохотно Мона ушла в примерочную с платьем, предложенным Габи.

Взгляд Габи тем временем упал на другое платье. Серебристо-серое, элегантное, размером побольше; Габи встряхнула его, и ткань упала роскошными складками. Роза, владелица бутика, была очень талантливой портной.

– Тебе бы подошло, – сказала Роза.

– Сомневаюсь, – вздохнула Габи. – Но оно потрясающее.

– Заказ отменился, – сказала Роза. – Не хочешь его примерить? Уверена, что ты в нем будешь выглядеть роскошно.

– Не на работе, – покачала головой Габи. – И даже если оно мне подойдет, куда его надевать?

Вопрос остался без ответа, потому что из примерочной вышла Мона, и Габи ахнула. Платье было идеальным. Оно демонстрировало изящную фигуру, а чистый белый превосходно оттенял оливковую кожу.

– Если бы только она сразу послушалась, – проворчала Флер. – Мы опоздаем на встречу.

– Не волнуйтесь, – Габи проверила расписание, – мы идем точно по плану.

Они его даже обгоняли, потому что теперь, когда платье выбрано, все встанет на свои места само.

Они ехали по мокрым улицам Рима в отель «Гранде Лючия»; но Мона опять была недовольна.

– Я была на свадьбе в «Гранде Лючии» несколько лет назад, и все выглядело таким... тусклым.

– Но теперь все иначе, – покачала головой Габи. – В отеле новый руководитель, и Алим... – Она споткнулась об имя и слегка покраснела. – Алим владеет отелем уже пару лет, его значительно переделали, и теперь он выглядит роскошно.

Габи много думала об Алиме. Их пути редко пересекались, но когда Габи организовывала свадьбы в «Гранде Лючии» и Алим оказывался на месте, ее сердце получало редкий дар; она надеялась, что это случится и сегодня.

– Не отказывайся от отеля, пока не увидишь его своими глазами, – посоветовала Габи. – Но зарезервировать его может оказаться трудно, особенно так срочно.

– Флер считает, что с этим проблем не будет, – сказала Мона с резкой ноткой в голосе. Как успела уловить Габи, Флер согласилась финансировать свадьбу при условии, что она пройдет именно в этом отеле. Флер тоже не сомневалась в успехе; но ведь до свадьбы оставалось всего две недели!

Они ехали быстро; улицы были почти пустыми. Рождественская суэта закончилась, и даже Колизей был закрыт для посетителей.

Габи подавила зевоту, мечтая тоже повесить знак «Не беспокоить». Она собиралась посвятить эти дни планированию собственного бизнеса; но вместо этого пришлось работать. Она устала.

Габи начала работать на фирму «Матримони ди Бернадетта» в восемнадцать лет, рассчитывая, что получит необходимый опыт, чтобы однажды заниматься тем же самостоятельно. Прошло шесть лет, и в свои двадцать четыре она не видела изменений на горизонте. Бернадетта не оставляла ей времени даже подумать, не то что начать воплощать свои мечты.

Но она все равно обожала свою работу.

Они подъехали к величественному старинному зданию. Швейцар Рональдо открыл перед ними дверь.

– *Ben tornado*, – сказал он, приветствуя не Габи, а Флер. Наверное, она была гостьей отеля. Особой гостьей, судя по тому, как обращался с ней Рональдо.

Выходя из машины, Габи поймала себя на трепете предвкушения встречи с Алимом.

Он всегда был вежлив, хотя и держался немного отстраненно. Она не принимала это на свой счет: Алим держался так со всеми. Его окружала аура таинственности, завораживающая Габи.

Целый этаж отеля служил ему римской резиденцией, поэтому Габи была наслышана от персонала, что он любил красивых женщин, и встречался со множеством из них – но проводил не больше одной ночи с каждой. И оставлял их без завтрака – по словам Софи, подруги Габи, работавшей в «Гранде Лючии» горничной, его оставленные наутро любовницы обычно называли его холодным и черствым. По тем же слухам, за ночь в объятиях Алима и слезы после расставания полагалась награда в виде бриллианта.

Габи не могла в это поверить; ей всегда было тепло под его взглядом. Но все равно он был не ее уровня. Ее вполне устраивало, что Алим совершенно недоступен – так мечты о нем оставались безопасными.

Величественное фойе «Гранде Лючии» было почти совершенным. Алый ковер и обтянутые шелком стены, элегантные – и даже чувственные, превосходно сочетались с мебелью темного дерева. Фойе было просторным, потолки – высокими, но с первого момента возникало ощущение интимности, несмотря на приятную суету популярного отеля.

В центре зала стояла огромная конструкция из алых цветов. Она нарушала совершенство интерьера. Габи всегда подмечала детали, и эта ее раздражала. Цветы никогда не менялись; здесь всегда стояли темно-красные розы и гвоздики. Габи всегда приходилось вести переговоры с невестами из-за них.

Марианна вышла им навстречу и отвела пить кофе в одном из интимных кабинетов рядом с фойе. Они обговорили некоторые детали. Хотя Марианна, к счастью, нашла свободное время через две недели, она не собиралась идти на уступки невесте.

– Мне нужно утвердить даты у начальника, – сказала она. – В январе мы ожидаем высокопоставленных гостей, и охрана будет особенно строгой. Я не уверена, что мы сможем вас принять в таких условиях. Алим просил информировать его... – Она оборвала себя и подняла голову. – О, вот и он!

Габи вскинула взгляд. Алим только что вошел в фойе с одной из своих неизменных красоток-блондинок. Нетрудно было догадаться, что он не хочет сейчас отвлекаться на мелкие детали, поэтому Марианна не стала указывать на него Моне и Флер; но словно притянутые его харизмой, обе женщины обернулись.

На нем было прямое темное пальто; его окутывала аура величия, которая привлекала взгляды. Дело было не только в его темной красоте, хотя она впечатляла сама по себе. Черные блестящие волосы были зачесаны назад; он был высоким и держался так прямо, что Габи самой хотелось развернуть плечи.

Каждый раз, когда он оказывался рядом, что-то происходило с ее телом, ей становилось трудно сосредоточиться на чем угодно, кроме Алима. Естественно элегантный и безупречно вежливый, Алим был спокойными водами по сравнению с бурлением Габи. Она была мечтательницей; и, хотя Алим был для нее недоступен, никто не мог помешать ее фантазиям. Невинным было ее тело, но не мысли.

– Quanti ospiti? – раздался голос Марианны, словно издали; и ответила ей, сколько будет гостей на свадьбе, Мона, а не Габи. Потому что взгляд Габи встретился с взглядом Алима.

Темно-серые глаза с серебряными искрами, напоминавшие ночь, его глаза были ловушкой, и Габи попала в нее.

В камине потрескивал огонь; и жар разгорался внизу ее живота, поднимаясь до самой шеи. Ей хотелось прервать разговор и пойти навстречу его беззвучному приглашению. Ей хотелось, чтобы работа закончилась, чтобы его спутница исчезла и чтобы Алим опустил ее на шелка простыней...

– Габи, – окликнула ее Марианна.

– Алим, – окликнула его спутница. Но Алим шел к ним.

– *Va tuto bene?*

Он спрашивал, все ли в порядке, и, хотя его итальянский был совершенным, в нем звучал густой акцент, лишая Габи способности ответить. Она не ожидала, что Алим подойдет.

Ответила Марианна, и спросила, что он думает о датах свадьбы.

– Да, это подойдет, – кивнул Алим, а потом посмотрел прямо на Габи: – Как твои дела, Габи?

Она смотрела на его губы, это было безопаснее, чем встречать взгляд.

– Прекрасно.

– Приятно слышать. – Алим отвернулся и ушел, но у Габи все равно перехватило дыхание. Остальные, наверное, не придали обмену репликами никакого значения, но Габи будет жить им неделями.

Алим знал ее имя!

– Ты не покажешь Моне бальный зал, пока я обсуждаю с Флер детали? – спросила Марианна. Под деталями подразумевались деньги.

– Конечно. – Габи встала и оправила юбку. Она ненавидела свой черный костюм с золотым логотипом и тяжелый кремовый топ с воротником-хомутом. Этот наряд подходил бы для похоронного бюро, а не для планирования свадьбы. Будь это ее собственная фирма, костюм был бы в зеленую, как ивовый лист, клетку с каплей розового. Она уже выбрала ткань. И она не стала бы носить черные туфли на высоком каблуке, на которых настаивала Бернадетта, – в них она чувствовала себя слишком высокой и тяжелой рядом с будущей невестой.

Увидев, как Алим и его блондинка входят в приватный лифт, Габи поджала губы: она завидовала блондинке, которую ожидала интимная встреча с Алимом и которая уже сейчас обвивалась вокруг него и что-то шептала на ухо.

Только когда двери лифта захлопнулись, отрезая парочку от фойе, Габи вспомнила, что ей надо заниматься чужой свадьбой.

В бальный зал вели большие двойные двери; Габи распахнула обе створки, чтобы Мона могла оценить полный эффект. Зал был великолепен. Сперва взгляд притягивали огромные хрустальные люстры, но каждая деталь была пиром для глаз.

– *Molto bello...* – выдохнула Мона; Габи с облегчением тоже перешла на итальянский. – Я помню этот зал совсем не таким!

– Алим, владелец отеля, полностью переделал его. Паркет начистили, люстры починили. «Гранде Лючия» снова превосходное место для свадьбы.

– Я знаю, – призналась Мона. – Вообще-то мы с Джеймсом здесь познакомились. Мои бабушка и дедушка отмечали здесь юбилей. А Джеймс навещал... – Мона оборвала себя. – Мне просто не нравится, что Флер принимает все решения только потому...

Мона прикусила язык. Она явно не хотела говорить лишнего. Из природного любопытства Габи хотела продолжения. Флер тоже избегала подробностей. В списке гостей со стороны жениха их было очень немного; только его свидетель прилетал из Шотландии. Отец Джеймса не упоминался. Может, Флер вдова...

Но это все было не ее дело; и она снова сосредоточилась на организации самой лучшей свадьбы.

– Представляю, как буду танцевать вечером под этими люстрами, – сказала Мона.

– Что может быть прекраснее... – согласилась Габи, и указала на маленькую галерею на западной стене, откуда в былые дни избранные гости наблюдали за происходящим в зале.

– Фотограф может сделать оттуда великолепные снимки. Фотограф, с которым я... то есть «Матримони ди Бернадетта» регулярно сотрудничает, снимает оттуда превосходные кадры. Потрясающие.

Она видела, что у Моны пробуждается интерес.

– Ты рассказывала про юбилей, – напомнила Габи.

– Бабушка и дедушка здесь поженились, – ответила Мона. – Иногда они показывают запись того, как танцуют на свадьбе.

– Правда?

– Я даже помню этот паркет по фотографиям с праздника. Словно переносусь в прошлое.

Да, даже паркет в бальном зале был великолепен: черное и красное дерево и дуб, выложенные в цветочные узоры и отполированные до блеска.

– Они до сих пор танцуют свой свадебный танец?

Мона кивнула, и Габи поняла, что место для свадьбы определено.

Играть будет струнный квартет, но Моне понравилось предложение Габи – станцевать первый танец под ту же запись, что и ее бабушка с дедушкой.

И так стала рождаться великолепная свадьба.

Сияющая невеста вернулась к Флер и Марианне обсуждать планы. А Габи, к своему изумлению, увидела, как давешняя блондинка сердито шагает через фойе. Что-то подсказывало ей, что Алим только что отцепил ее от себя вопреки ее воле.

Намного позже Габи позвонила Розе, чтобы сообщить о дате свадьбы.

– Я уже приступила к платью, – сообщила Роза. – Хотя времени для одного из моих платьев мало, даже если остается только подогнать.

Габи весь день занималась другими; но теперь она решила сделать что-нибудь для себя. Она до сих пор светила счастьем оттого, что Алим перебросился с ней парой слов. Конечно, то, что он отослал любовницу, с ней никак не было связано, но Габи была мечтательницей, и ее фантазия уже разыгралась.

– Можно я приеду примерить серебряное платье? – спросила она.

Мечтать об Алиме было прекрасно.

Глава 2

Свадьба получилась прекрасной. Не то чтобы у Габи нашлась хоть секунда, чтобы ею насладиться.

Свидетель жениха великолепно выглядел в килте и поэтому был вынужден убегать от интереса одной из свидетельниц. Флер нервничала и всех торопила. Маленькие девочки с цветами чуть не плакали, замерзая в снегу для фотографий. Габи чувствовала себя загнанной пастушкой, жонглируя зонтиками для свиты невесты и пытаясь согнать гостей в одно место.

По крайней мере, на ней были ботинки, как уступка погоде.

Наконец все погрузились в машины и уехали на прием, пока Габи расплачивалась с хором. Когда она, дрожа, вышла из церкви, Бернадетта сидела в машине и курила.

Габи поскользнулась на льду и преодолела последние три ступени в самом неловком из возможных положений.

Не то чтобы кто-нибудь пришел ей на помощь.

Секунду она сидела, пытаясь перевести дыхание и оценить повреждения. Судя по ощущениям, у нее был синяк на попе. Поднимаясь на ноги, Габи обнаружила, что юбка у нее испачкана и промокла насквозь; а когда она расстегнула куртку, оказалось, что ткань разошлась по шву.

И для полного счастья Бернадетта пришла в ярость, обнаружив, что Габи не во что переодеться.

– Почему у тебя нет с собой второго костюма? – возмущалась она. – Твоя работа – планировать!

«Потому что ты выдала мне всего два костюма», – хотела ответить Габи, но знала, что это не поможет.

– Он в химчистке.

Бернадетта, разумеется, не преминула подчеркнуть, что костюмы остальных на Габи не налезут.

– Поезжай домой, переоденься, – прошипела она. – Во что-нибудь... – сведя руки в воздухе, она жестом продемонстрировала, что Габи должна найти что-нибудь уменьшающее ее в размерах.

Бернадетта не стала говорить ей то, что говорила остальным женщинам в команде: «Не затми собой невесту». Предполагалось, что Габи это не грозит.

Как же ей хотелось уволиться.

В свою крохотную квартиру Габи приехала на грани слез – и конечно, в ее гардеробе не нашлось ничего подходящего. Кроме...

Кроме серебристо-серого платья, работы волшебных рук Розы.

Но Бернадетта скажет, что она одета слишком торжественно.

Но дизайн платья такой простой...

Раздевшись, Габи убедилась, что у нее синяк на попе и на левом бедре. Все болело, и она промерзла до костей. Но быстрый душ согрел ее и даже помог расслабиться. В дни свадеб у нее обычно не было ни минуты покоя; короткий перерыв оказался как нельзя кстати.

Когда у нее будет своя фирма, решила Габи, персонал будет работать посменно, чтобы отдохнуть между венчанием и приемом. Может быть, они даже смогут сменить костюм...

Габи осеклась. Она снова надеялась и мечтала, как однажды откроет свое дело.

Но как получилось, что Бернадетта держит ее в такой крепкой хватке?

Но сейчас опять не было времени об этом гадать.

Роза подарила ей платье, но Габи чувствовала себя неловко от такой щедрости и поэтому раскошелилась на правильный бюстгальтер и, конечно, серебристые трусики в тон, которые и натянула сейчас, прежде чем влезть в платье.

Роза и правда была волшебницей – скроенное по косой платье восхитительно окутывало ее изгибы.

Оно заслуживало больше усилий, чем она обычно прикладывала к своей внешности.

Присев за маленький туалетный столик, Габи скрутила волосы в пучок, вместо того чтобы просто распустить. Она подкрасила губы и ресницы – и испугалась, что этого слишком много; обычно она не затруднялась даже этим. Но стирать не стала. Внезапно она приняла решение.

Сегодня она не хотела быть мрачной похоронной Габи или неловкой, нелепой, вечно спешащей планировщицей свадеб, как обычно.

Габи посмотрела в зеркало. Такой она была бы, если бы работала на себя и сегодня руководила высококлассным приемом.

Она никогда еще не была так похожа на ту женщину, которой чувствовала себя в душе.

Габи вернулась в отель, спрятав платье под пальто и неся туфли в сумочке. Охрана в отеле была строгой; швейцар Рональдо извинился перед ней и попросил показать документы, хотя прекрасно ее знал.

– У нас высокопоставленные гости, – объяснил он, переступая с ноги на ногу на холоде.

– Так часто бывает, – ответила Габи.

– Королевская семья, – проворчал Рональдо. Такие гости требовали немало лишней работы.

– Кто?

– Габи, – укорил ее Рональдо, напоминая, что это конфиденциально, но потом с улыбкой открыл тайну по знакомству: – Султан султанов с дочерью.

– Ого! – Габи надеялась, что сможет их увидеть.

Вручая пальто в гардеробной, Габи с поджатыми губами взглянула на красные цветы в центре фойе. Нервничая и немного стесняясь, но пытаясь этого не показывать, она вошла в зал приема – и прямо навстречу ядовитому шипению Бернадетты:

– Если бы невесте нужна была рождественская игрушка в углу, я бы внесла ее в счет!

Зачатки уверенности в себе, проснувшиеся в Габи перед зеркалом дома, растаяли.

– Нужно проверить, что граммофон работает, – сообщила Бернадетта. – И найти ключи от галереи для фотографа.

И конечно, все это должна была сделать Габи.

Она с головой бросилась в круговорот приема, стараясь, чтобы вечер прошел гладко, ради счастливой пары. Они выглядели действительно счастливыми. Платье Моны было божественным, а ее жених – красивым, расслабленным и...

Габи нахмурилась. Джеймс кого-то ей напоминал, но она не могла вспомнить кого. Может, дело было в том, что он был высоким блондином, как и его мать, и заметно выделялся среди гостей-итальянцев.

Однако размышлять об этом было некогда, как и обращать внимание на разочарование из-за того, что Алима нигде не было видно.

Провожая фотографа на галерею и возвращаясь на прием, она призналась себе, что платье, каблуки, волосы и макияж... все это отчасти было сделано в надежде на то, что она встретится с Алимом.

Алим присутствовал в отеле, но не выходил на люди.

– Как жалко, что мы не можем пойти на свадьбу! – в сотый раз простонала Ясмин и оттолкнула свой нетронутый десерт. Алим в ответ промолчал. Он давно привык к настроениям сестры.

– Прячемся в углу, как крысы, – продолжила она, швырнув на стол салфетку.

– До крыс нам далеко, – пробормотал Алим, не желая быть втянутым в диалог. Они сидели в приватном зале роскошного ресторана «Гранде Лючии». Отец не стал к ним присоединяться, чтобы не привлекать лишнего внимания – Алим всеми силами стремился его избежать. По крайней мере, сегодня.

Персонал «Гранде Лючии» привык к высоким гостям, но Алим знал, что они начинают догадываться, что Оман, султан султанов, – его отец.

На работе Алим не использовал свой титул: султан Алим аль-Лехан Зетлеханский. Не использовал он его и в личной жизни; слишком много риска. Бриллианты платили за молчание, а дворцовая пиар-служба прятала все следы несдержанности.

Несдержанность Омана была причиной, по которой сегодня они сидели за этим столом. Рядом со свадьбой, но не на ней.

Сегодня, когда счастливая пара отправится в свадебный номер, Флер, мать жениха, проследует в свои роскошные комнаты. Виолетта, занимавшаяся вопросами пиара за пределами дворца, организовала для нее именно этот номер. Алим не следовало знать – хотя он, разумеется, это знал, – что номер Флер был смежным с номером его отца.

Флер много лет была любовницей султана. Она родила ему первого сына.

Джеймс вел на вид привилегированную жизнь. Он учился в Виндзоре, посещал университет в Шотландии, и у него был трастовый фонд, от размеров которого у людей глаза лезли на лоб. Но имя его отца не значилось в сертификате о рождении, и у него не было титула. Для народа Зетлехана он не существовал.

Однако он был единокровным братом Алима, Калеба и Ясмину, и они любили его.

Кaleb, младший из братьев, встретится с молодоженами в Париже, где сейчас живет. Все три брата рядом привлекали бы взгляды; а этим вечером нужно было действовать тоньше.

Ясмин, которая жила в Зетлехане без тревог и забот, умоляла позволить ей участвовать в свадьбе. Отец строго отказал ее жалобным мольбам, и Алим предложил сделать все возможное, чтобы Ясмин смогла хотя бы посмотреть на свадьбу издалека. Поэтому они перекусывали в ресторане, когда молодые с гостями прибыли из церкви, чтобы Ясмин смогла полюбоваться платьем. Она была в восторге.

– Что это на нем? – Она указала на свидетеля жениха.

– Килт, – пояснил Алим. – Он из Шотландии.

– О, это так необычно! – выдохнула Ясмин.

Но ей недостаточно было посмотреть на свадьбу уголком глаза. И хотя Алим велел подать им ту же еду и напитки, что и гостям, их отмечание свадьбы брата было не слишком веселым.

– Сейчас должны закончиться речи, – пояснил он. Ему так хотелось бы их послушать...

– Я хочу посмотреть танец, – надулась Ясмин. Она привыкла всегда получать что хочет. Но не в этот раз.

Их ограничивали десятки древних сложных законов, и, пока Алим не взойдет на престол сам, у него не было выбора, кроме как подчиняться.

– Ты увидишь Джеймса и Мону завтра за завтраком и сможешь их поздравить.

– Но это не то же самое! – Ясмин была безутешна. – Почему мне нельзя заглянуть в бальный зал и посмотреть на них хоть пару минут? Ты же можешь, Алим.

– Могу, потому что я владелец этого отеля и часто захожу на проходящие приемы. На тебя обратят внимание.

Ясмин досталась та же красота семьи аль-Лехан, что и ее братьям, и ее не могли не заметить. После этого нетрудно будет сложить два и два.

Однако огорчение сестры было для Алима невыносимо: он знал, как сильно Ясмин ждала такого редкого в ее жизни события, как поездка за границу.

– Послушай, – сказал он. – В бальном зале есть галерея. – У сестры распахнулись глаза. – Сейчас там будет фотограф, он готовится к съемке, но, когда спустится, ты можешь оттуда на все посмотреть. Я дам тебе ключ от другого входа; нужно только подождать, когда он уйдет.

– Да! – Ее глаза восторженно сияли.

– Только недолго, – предупредил Алим. – Фотограф вернется к концу праздника, поэтому следи, чтобы уйти до его возвращения.

– Хорошо.

Он сделал вид, что не заметил, что она прихватила с собой бутылку шампанского.

Ясмин очень опекали, не давая ей той свободы, которой наслаждались Алим и Калед. Она заслуживала немного поразвлечься. Поэтому Алим отвел ее к лестнице и вручил ключ.

– Только недолго! А потом отправляйся в постель.

Он и сам хотел повидать брата в день его свадьбы.

И поговорить с Габи.

Опытный бизнесмен, Алим видел талант Габи. Он много работал, чтобы вывести отель на должный уровень. Марианна была консервативна; чем больше он об этом думал, тем больше хотел, чтобы Габи присоединилась к его команде.

Он не хотел привлекать внимание и поэтому не стал входить в бальный зал через главные двери, а вместо этого вышел во внутренний двор, вдыхая холодный воздух. Шел снег; Алим постоял несколько мгновений, слушая аплодисменты после речей.

Мастер церемоний рассказывал гостям, что шестьдесят лет назад здесь праздновала свадьбу другая пара, подводя к первому танцу молодоженов.

Провести свадьбу брата в своем отеле – все, что Алим мог для него сделать. Возможно, теперь персонал узнает о его королевской крови; но он готов был заплатить эту цену за возможность поучаствовать в таком важном дне.

Оставалось гадать, что чувствовал их отец, запертый в номере люкс, пока на первом этаже его старший сын играет свадьбу.

Он вошел в зал через одну из стеклянных дверей. Флер сидела в стороне, и часть этого праздника, и не совсем. Алим ничего не имел против нее, даже сочувствовал ей. Она была хорошей матерью Джеймсу и никогда не создавала проблем для его семьи.

Однако он сам создавал проблемы.

Его появление, хотя и незаметное для других, для Габи пришлось на самый неподходящий момент. Ради приема в зал принесли старомодный граммофон, с незаметно подключенным усилителем, чтобы воспроизвести танец под пластинку, как в старые времена. Конечно, под рукой у них была цифровая запись на случай, если игла поцарапает винил или если у помощницы организатора свадьбы будут дрожать руки, как у Габи при виде Алима.

Одного его присутствия было достаточно, чтобы она теряла себя.

«Не смотри на него», – велела себе Габи.

Под не внушающим уверенность взглядом Бернадетты она опустила иглу на пластинку, и звуки прошлого с шорохом наполнили зал. На танцевальную площадку вышли не жених и невеста, а бабушка и дедушка невесты. Пожилой джентльмен бережно вел свою даму. Молодожены последовали за ними. Это было невероятно трогательно и настолько романтично, что у Габи на глазах выступили слезы.

О, это стоило всех бессонных ночей подготовки.

Она посмотрела на галерею: фотограф снимал кадр за кадром. Фотографии будут великолепные.

Габи просмотрела список задач на своем планшете и убедилась, что все идет по плану. Без сучка без задоринки.

– И еще один успех фирмы «Матримони ди Бернадетта», – сказала Бернадетта рядом с ней. Габи скрипнула зубами, не ожидая начальницу рядом. – Надеюсь, я могу доверить тебе остаток вечера.

Бернадетта говорила так, словно одаривала ее высочайшей милостью, хотя на самом деле она уходила домой пораньше, сваливая работу на Габи. При этом она только сегодня утром прилетела из отпуска и большую часть дня провела в тепле своей машины. Габи делала всю работу.

Теперь она сглатывала слезы, глядя вслед Бернадетте, которая удалялась, не забывая по пути завязывать знакомства. Она прекрасно знала, с какой стороны масло на хлебе, и очаровывала всех, кто может быть ей полезен. Она подошла и к Алиму; Габи видела, как она вскидывает руки в жесте ложной скромности, несомненно принимая поздравления с превосходным приемом.

А Габи стояла и мечтала, как однажды будет делать это сама. Как однажды сможет назвать такой вечер своим успехом и принимать поздравления Алима.

Такой он ее и увидел – потерянной в мечтах. Алим шел к ней и, когда Габи повернулась, улыбнулся. Габи просияла.

Вся критика исчезала, когда Алим смотрел на нее.

Ни один мужчина не вызывал у нее таких чувств; ни один не смотрел так, что ей казалось, что ей не нужно ничего в себе менять. Достаточно было одного взгляда Алима.

– Могу я попросить... – сказал Алим бархатным голосом. Габи настолько потерялась в мечтах, что отложила планшет и инстинктивно сделала шаг навстречу.

– С удовольствием.

И немедленно пожелала, чтобы земля расступилась и проглотила ее.

Конечно, он не протянул руки навстречу. Габи показалось – как глупо! – что он приглашает ее на танец; но это была унижительная ошибка. Худшая в ее полной неловких моментов жизни.

– Мы на работе, Габи, – вежливо напомнил Алим. Но это не могло спасти ее от стыда.

Конечно, он не стал бы приглашать ее на танец.

– Могу я попросить тебя на пару слов? – спросил он взамен.

Глава 3

Как стыдно! Габи хотела провалиться сквозь землю. Но когда Алим желал с кем-то поговорить, люди соглашались, даже если предпочли бы сбежать.

– Я могу понадобиться невесте, – ухватилась за отговорку Габи. – Бернадетта только что ушла.

– Я знаю. – Алим по пути на улицу подозвал кого-то из персонала и сообщил, где их искать. – Если ты кому-то понадобишься, тебя позовут.

Они вышли из бального зала и сели за стол в стороне; когда к ним направился официант, Алим жестом отослал его.

Это был деловой разговор.

Однако в синих глазах Габи блестели слезы неловкости, и всю открытую кожу заливал румянец отчаянного стыда. «Бедняжка», – подумал Алим.

Он привык к тому, что нравится женщинам, для него это было буднично, хотя обычно женщины вокруг были опытнее. Но Габи должна это знать...

– Свадьба и прием прошли превосходно, – сказал он.

– «Матримони ди Бернадетта» вложили в них много труда, – ответила Габи как положено.

– Думаю, мы оба знаем, – сказал Алим, – что Бернадетта не вложила в эту свадьбу ни капли собственного труда.

От его прямоты Габи моргнула.

– Бернадетты здесь нет, так что... поговори со мной, Габи, – надавил Алим. – Я ценю хорошую работу. И предпочитаю, чтобы талант вознаграждался как должно.

– Я получаю вознаграждение...

Алим слегка приподнял бровь. Они оба знали, что зарплата у нее была крошечной.

– Я знаю, что граммофон предложила ты, – сказал Алим.

– Откуда?

– Я знаком с женихом. Поэтому я и пришел проверить, все ли идет как надо.

– О...

– И он рассказал, какую впечатляющую работу ты проделала.

На самом деле Джеймс не спешил восхищаться организатором их свадьбы – Алим спросил сам.

Успех в бизнесе ему принес не счастливый случай, не унаследованное богатство, не титул. Свое происхождение он держал в секрете, насколько это было возможно; и, хотя семейные деньги положили начало его бизнесу, процветание ему принесло внимание к деталям. Алим не принимал все как должное, а разбирался в мелочах. И хотя он знал, что «Матримони ди Бернадетта» – один из ведущих организаторов свадеб, но прекрасно понимал, как устроен этот бизнес.

Бернадетта выбрала превосходную ассистентку.

– Ну же. – Он видел, что Габи нервничает. – Почему ты выбрала эту профессию?

– Потому что я люблю свадьбы.

– До сих пор? Даже после стольких лет работы? – спросил он. – Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре; и да, я до сих пор люблю свадьбы. Всегда любила, с детства.

– А сколько лет ты работаешь на Бернадетту?

– Шесть лет, – сказала Габи. – До этого я работала на портную. А в школе... – она осеклась, не желая утомлять Алима скучными подробностями.

– В школе?

– Я работала у флориста. Часто оставалась на всю ночь в пятницу, чтобы приготовить букеты для свадьбы. Вставала раньше, чтобы до школы успеть на рынок...

Именно такую страсть к своей работе Алим хотел видеть в своих работниках.

– Мне очень повезло, что Бернадетта взяла меня к себе.

– Почему?

– У меня не было никакой квалификации. Маме было нужно, чтобы я помогала зарабатывать на жизнь, поэтому я бросила школу в шестнадцать; а у «Матримони ди Бернадетта» хорошая репутация.

– Как получилось, что они взяли тебя к себе?

– Я писала Бернадетте, – призналась Габи. – Много раз. Через год она наконец согласилась провести со мной собеседование, хотя и предупредила, что у меня много конкурентов. Моя подруга Роза сшила мне костюм и... – Она напряженно пожала плечами. – Я попросила дать мне тестовое задание.

– Понятно.

– Бернадетта показала мне параметры для очень важной свадьбы и спросила, что бы я сделала, – улыбнулась Габи. – Знаешь, как говорят – притворяйся, пока не получится...

– В чем ты притворялась?

– В том, что знаю, что делаю.

– Но ты знала, – сказал Алим, и Габи сглотнула. – Ты уже работала у портной и у флориста.

– Да, но...

– И что вышло из твоих предложений в тестовом задании?

– Некоторые из них она использовала.

– Так в чем ты притворялась?

Габи нахмурилась.

– Я очень многому научилась, работая у Бернадетты.

– Конечно, – согласился Алим. – Она одна из лучших в этом бизнесе. Я рекомендую ее без колебаний. Но знаю, что большую часть похвалы заслуживаешь ты. Ты никогда не думала о собственном бизнесе?

Румянец сошел было с ее щек, но теперь вернулся, и она стиснула зубы. Алим понял, что Габи злится.

– Я не могу.

– Почему нет?

– Алим... – Габи покачала головой. Она была верна начальнице, хотя та этого и не заслуживала; к тому же у нее уже были неприятности из-за мечтательности.

– Габи, я могу тебе помочь...

– Однажды Бернадетта узнала, что я надеюсь когда-нибудь открыть свою фирму, и напомнила об ограничении в моем контракте.

– О каком?

– Что в течение шести месяцев после ухода от нее я не могу пользоваться услугами фирм, с которыми она работает. Мне придется находить собственные контакты.

– Но ты уже используешь лучших партнеров.

– Да, – кивнула Габи, обрадованная, что он сразу понял. Она потратила много часов, пытаясь объяснить это своей матери, которая отвечала, что надо радоваться, что у нее вообще есть работа. С Алимом обсуждать это было намного проще.

– Но не все эти контакты Бернадетта организовала сама, – Габи так долго держала свои мысли при себе, что теперь не могла не излить свое раздражение. – Сегодня невеста была в платье от Розы. Я когда-то помогала ей вырезать выкройки на полу в гостиной. Теперь у нее бутик в центре Рима. Она – мой партнер, но, конечно, я не догадалась оформить это на бумаге.

Она ссутулилась, признавая свое поражение. Алим с трудом сдержал улыбку, глядя, как она накручивает прядь волос на палец.

Начав делиться своими печальми, Габи как будто не могла остановиться.

– Сегодняшние цветы, гардении, – наша флористка, Андже́ла, придумала воспроизвести букет бабушки. – Алим отметил, что Габи признавала не только свои достижения, но и чужие, ему это нравилось. – Я работала у нее после школы. Тогда это был крохотный магазинчик, а теперь она одна из лучших свадебных флористов в Риме.

– И эти контакты тебе недоступны, – сказал Алим, и Габи кивнула.

– Шесть месяцев после ухода, и я сомневаюсь, что столько продержусь. Если, конечно, меня вообще кто-нибудь наймет. Сомневаюсь, что Бернадетта даст мне хорошие рекомендации.

– Она будет рассказывать о тебе гадости, – уверенно сказал Алим.

Он думал, что может предложить ей решение. Он мог бы закончить разговор предложением работы. Однако теперь все стало сложнее, и не только потому, что он нравился Габи. К этому Алим привык.

Но она ему тоже нравилась.

Он мог это признать. Два года отель становился теплее, когда приходила Габи. Два года Алим улыбался про себя, видя, как она цокает ужасными каблуками по мрамору фойе или бормочет ругательства себе под нос.

Он не позволял себе признать ее красоту, но сейчас не мог отрицать ее – Габи выглядела потрясающе. Ее волосы выпали из пучка, платье мерцало, облекая все изгибы... Как он сдержался и не увлек ее в танце? Но чем дольше они говорили, тем очевиднее становился ответ: он давно привык сопротивляться влечению к ней.

Он заставил себя сосредоточиться на работе.

– Что бы ты делала иначе, чем Бернадетта?

Габи нахмурилась, чувствуя себя как на собеседовании, но ответила на вопрос:

– Я бы избавилась от черного костюма.

– Ты уже это сделала. – Алим не отвел взгляд от ее лица, но дал знать, что заметил перемены в костюме.

И еще как.

Разговор больше не был похож на собеседование. Они оба боролись с собой, чтобы не начать флиртовать: Габи – потому что не хотела выглядеть глупо, Алим – потому что на работе нужно было работать.

– Я упала, – призналась Габи. – Возле церкви. К счастью, свадебный кортеж уже уехал... но я порвала костюм.

– Ты ушиблась?

– Немного.

Ему хотелось снять с нее платье и осмотреть синяки; хотелось посадить ее к себе на колени.

Но он не отвел глаз от ее лица, и разговор продолжался в вежливом тоне.

– И на что бы ты заменила черный костюм?

– Я видела ткань... зеленая и розовая клетка, похоже на тартан. Звучит ужасно, но...

– Нет, это звучит необычно, – сказал Алим. – У тебя есть фото?

Конечно, у нее было фото, и она мгновенно открыла его на планшете и вручила Алиму. Ткань выглядела более сдержанной, чем казалось по описанию; выбор был идеален.

– Что бы ты изменила в «Гранде Лючии»? – спросил он, возвращая ей планшет. Вопрос был внезапным, и он ожидал, что Габи задумается.

Но она знала, что бы поменяла первым делом.

– Я бы запретила красные гвоздики во всем отеле.

Его очень красивые губы слегка дрогнули.

– Обычно я не интересуюсь цветами, – сказал Алим.

– Зато я всегда думаю о таких мелочах, – улыбнулась Габи.

– И что бы ты выбрала?

– Чайные розы всегда хороши, хотя я считаю, что цветы должны меняться в течение недели, а в выходные они должны подбираться под приемы, проводящиеся в отеле.

– Чайные розы – твои любимые цветы?

– Нет, – сказала Габи.

– Какие тогда?

– Душистый горошек, – улыбнулась она. – Марианна от одной мысли упала бы в обморок, она считает, что эти цветы недостаточно утонченные для «Гранде Лючии», но честно, если их правильно оформить...

У нее светились глаза. Габи была полна свежих идей и пыла юности; в сочетании с мудростью Марианны... Но Алим было все труднее думать о работе.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спросил он.

– Я на работе, – повторила она его недавние слова, вызвав у Алима ироничную усмешку.

– Габи... – сказал он, но осекся.

Прежде чем предлагать ей работу, нужно все продумать; ей и так пришлось нелегко. Если она перейдет на работу в отель, могут возникнуть проблемы. Обычно он не проводил с женщинами больше одной ночи, оставляя личную жизнь там, где ей место, – в спальне.

Алим хотел лучшего для своего бизнеса; но в редком для него порыве он больше хотел лучшего для Габи и поэтому придумал другой выход.

– Ты никогда не думала о том, чтобы стать партнером Бернадетты?

– Партнером? – изумленно посмотрела на него Габи. – Она надо мной только посмеется!

– А когда перестанет смеяться, ты можешь сказать, что лучше ты будешь ее партнером, чем конкурентом.

Это никогда не приходило ей в голову.

– Или ты могла бы установить границы – сказать Бернадетте, что готова делать только конкретную часть работы. То, что тебе нравится...

Однако Алим не хотел ее потерять. Конечно, может получиться плохо, однако чем больше он думал, тем больше ему нравилась эта идея.

– Есть еще один вариант...

– Габи! – Она обернулась к приближающемуся официанту. – Фотограф хочет с тобой поговорить.

Габи с извинениями удалилась. Алим вернулся в бальный зал и посмотрел вверх. Дверь в конце галереи открылась, и туда прокралась Ясмин. Он улыбнулся.

А потом повернулся – и увидел своего брата.

– Поздравляю, – сказал Алим.

– Спасибо.

На людях он не мог сказать большего. Они и так рисковали привлечь внимание: хотя волосы и кожа у Джеймса были светлее, когда братья стояли рядом, сходство было очевидно.

Раздался звонок от Виолетты. Она сообщала, что султан желает поговорить с Алимом.

У них с отцом были напряженные отношения. Оману не нравилась свобода Алима; и законные дети всегда напоминали ему о том, что любовь всей его жизни, Флер, должна оставаться тайной. Алим, в свою очередь, оставаясь вежливым на словах, не одобрял отца за то, как тот обращался с его матерью.

Войдя в королевский номер, Алим поклонился, а затем приступил к рассказу о том, как проходит свадьба.

– Все идет гладко, – закончил он, понимая, что это не заменит Оману возможности присутствовать на свадьбе собственного сына.

– Где Ясмин? – резко спросил султан.

– Мы поужинали вместе, а теперь она в своем номере, – спокойно ответил Алим. – Прием скоро закончится; утром ты встретишься с Джеймсом и Моной.

А сюда наверняка скоро придет Флер.

Он полагал, что после отчета султан отошлет его, но вместо этого он вернулся к старому спору:

– Ты должен вернуться домой.

Алим был не в настроении для этой дискуссии, но не выдал раздражения.

– Я был в Зетлехане в прошлом месяце и вернусь для официального визита в...

– Вернуться насовсем, – перебил его Оман.

– Нет.

Они не в первый раз вели этот спор. Алим отказывался заниматься управлением страной только для того, чтобы отец мог чаще ездить за границу. Он не собирался способствовать бесчестью матери. Хотя он был рад за Джеймса и Мону и хотел бы принять большее участие в празднике, но все равно чувствовал себя так, словно предает мать.

– Тебе тридцать два, Алим. Не пора ли жениться?

Алим промолчал, но взгляд выражал его нежелание принимать советы о браке от мужчины, который изменял жене. Алим никогда не изменял. Он сразу давал понять, чего ждет от отношений, – и не предлагал большего, чем короткий роман. Кто-то может считать это высокомерием, но лучше так, чем обманывать.

– Я выберу для тебя невесту, – пригрозил Оман. – Тогда у тебя не останется выбора, кроме как жениться.

– Выбор есть всегда.

Он проверял совет, который недавно дал Габи, на своем опыте снова и снова в разговорах с Оманом: нужно установить границы и дать понять, что ты готов делать, а что нет.

– Если ты выберешь невесту без моего согласия, то навлечешь позор не только на нее, но и на всю страну, когда жених не явится на свадьбу, – предупредил Алим. – Ты не сможешь принудить меня к браку.

– Алим, я болен.

– Насколько? – спросил Алим; его отец вполне мог преувеличивать ради своей выгоды.

– Мне нужно долгое лечение. Около шести месяцев мне нужно будет оставаться вдали от публики. – Оман принялся рассказывать подробности, и Алиму пришлось признать, хоть и с неохотой, что это действительно так.

– Тогда я займу твое место на это время, – согласился он. Но отцу этого было мало.

– Народу нужны хорошие новости. Свадьба их порадует.

Алим не собирался вестись на такие манипуляции.

– Наш народ ждет, что султан султанов появится на такой церемонии. Если отец не присутствует на свадьбе сына, то создается впечатление, что он не одобряет выбранную невесту, а это встревожит народ.

Оман стиснул зубы.

– Обсудим это, когда ты выздоровеешь.

Отец явно собирался спорить и дальше, но его отвлек шум за дверью смежного номера, сообщавший, что его любовница прибыла.

– Увидимся утром за завтраком, – сказал Алим и с поклоном удалился.

В коридоре он удерживал спокойное выражение лица, но в душе было мрачно. Конечно, он не мог откладывать выбор невесты вечно; но не собирался и жить так, как его родители. Его мать сегодня оставалась во дворце одна. Она всегда делала вид, что все в порядке, улыбалась детям... Но они знали, что она притворяется.

И Алим не хотел невесту, выбранную отцом. Он хотел...

Чего?

Ему не удавалось избавиться от задумчивости. Алим напомнил себе, что через неделю приезжает его друг Бастиано; это его должно взбодрить. Но Бастиано – всего лишь богатый плейбой, а развлечения в клубах и казино не поднимали Алим у настроение так, как прежде.

Он вышел в фойе: последние гости разъезжались со свадьбы. Алим отпер дверь на лестницу и поднялся на галерею. Сестры не было видно; наверное, она уже ушла к себе в номер. Фотограф оставил свое оборудование, так что Алим сделал мысленную пометку запереть дверь, когда уйдет.

Он окинул взглядом великолепный бальный зал. Персонал гостиницы убирал столы и бокалы; но большая часть уборки дождется утра.

Свадьба закончилась.

Эта свадьба была его подарком молодым; Флер организовала все так, чтобы свадьба проходила в «Гранде Лючии». Но он не присоединился к празднеству сам.

Свадьба была великолепной; но для Алима этот день и вечер стали выматывающими.

Кроме времени, проведенного с Габи.

Он опустил взгляд и увидел ее в опустевшем зале.

Алим собирался предложить ей работу в отеле; но решил, что из-за его чувств к ней не стоит торопиться. Но теперь с улыбкой вспомнил, как Габи покраснела, когда подумала, что он приглашает ее на танец.

А сейчас он уже не был на работе.

Глава 4

Габи хотела пойти домой и спрятаться от своего стыда. Она снова и снова проигрывала в голове ужасный момент, когда решила, будто красавец Алим приглашает ее на танец.

Она стояла посреди пустого бального зала, окидывая взглядом хаос, который оставался после любого успешного свадебного приема. Персонал уже унес тарелки и бокалы; столы были убраны, стулья сложены в стороне. Габи оставалось только забрать старый граммофон в машину и убрать пластинку с музыкой для свадебного танца.

Однако она остановилась на несколько минут, чтобы осмотреться. Бальный зал был таким красивым... Люстры выключили, и теперь его освещали только яркие белые лампы, которые зажгли, когда музыка закончилась и гости стали расходиться.

Габи могла себе позволить одну за другой выключить все лампы. Люстры она включать не стала. Они были красивы и без электричества, потому что лунный свет лился в высокие окна; казалось, что снег теперь падает не только на улице, но и внутри. Даже невидимые отсюда деревья оказались под крышей, потому что тени ветвей скользили по серебряным стенам.

Она словно стояла в ледяном лесу; казалось, еще немного – и ее дыхание закружится белым в морозном воздухе.

Что Алим хотел ей сказать?

Могут пройти недели или даже месяцы, прежде чем она снова окажется в «Гранде Лючии». Может быть, она никогда не узнает.

Габи услышала, как открылась дверь, и обернулась, ожидая увидеть кого-то из персонала, пришедшего, чтобы убрать остатки беспорядка.

Но это оказался Алим.

– Я только что...

Что? «Думала о тебе»? Конечно, Габи не стала этого говорить.

– Вечер прошел очень хорошо, – сказал он.

– Спасибо. – Теперь можно было собрать вещи и отправляться домой. Но Габи не сдвинулась с места.

Габи с ног до головы покрылась пылающим румянцем, глядя, как он пересекает комнату. Она не знала, что с собой делать, куда идти. А потом по ее телу пробежала дрожь. Не от холода, в комнате было тепло; но потому, что Алим подошел к старому граммофону. Едва слышно скрипнула игла, опущенная на пластинку. Звуки прошлого снова обрели жизнь и навсегда запечатлелись в ее сердце, когда Алим повернулся, подошел к ней и безмолвно пригласил ее на танец.

И так же безмолвно она приняла приглашение.

Его объятия были бережными, но твердыми; вблизи оказалось, что в его густой мускусный запах добавились нотки чего-то иностранного, что она не могла распознать. Но сегодня все было необычным.

Обычно Алим вежливо приветствовал ее; сегодня все изменилось. И даже изощренный красавец Алим должен был бы признать, что они находятся на грани чего-то нового.

– Послушай, – сказал он на ухо Габи, и низкий голос звучал как восхитительное предупреждение. – От меня хорошего не жди.

– Я знаю.

Он почувствовал ее кивок, потому что голова качнулась у его груди; в ее словах звучала готовность, но он решил прояснить все до конца.

– Если я тебе нравлюсь, то все еще сложнее.

– И это я знаю тоже, – сказала Габи.

Важнее всего было то, что прямо сейчас, в его объятиях, Габи не беспокоилась ни о чем. Она запрокинула голову навстречу Алим.

Сегодня ее ночь.

Габи знала о его репутации и готова была принять, что одной ночью все и закончится; но она много лет мечтала об Алиме. Она могла жить с последствиями сделанного. Но с сожалениями о несделанном она жить бы не смогла.

Она так долго воображала его тело, желала его – и теперь прижималась к нему. Алим был стройным и сильным, и он так ловко вел ее в танце, что впервые в жизни Габи чувствовала себя не только изящной, но и невесомой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.